

Отзыв официального оппонента о диссертации Погадаевой Евгении Владимировны «ПОЭТИКА УОЛТА УИТМЕНА И ПАБЛО НЕРУДЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ» по специальности 5.9.2. - Литературы народов мира (филологические науки) на соискание степени кандидата филологических наук

Диссертация Е.В. Погадаевой представляет собой смело задуманное и грамотно выполненное сравнение поэтики Уолта Уитмена и Пабло Неруды. Исследование осуществляется путем выявления как «схождений», так и индивидуального своеобразия, путем сосредоточения как на содержательных, так и на формальных аспектах творчества. Учитывая то, что Неруда называл Уитмена своим «отцом», «самым главным кредитором», и пожизненным другом-товарищем ("compañero"), можно было бы говорить о прямом влиянии, но диссертантку занимают познавательные возможности, открываемые типологическим сближением, - оно, в свою очередь, обуславливается спецификой культурных контекстов, которые питали творчество этих больших и разных поэтов. Неруда сказал как-то, что именно Уитмен научил его быть американцем, и Е.В.Погадаева видит свою задачу в раскрытии этой богатой и сложной метафоры: что это значило – «быть американцем» – для Уитмена в США в середине XIX века и для Неруды в Чили в середине века XX? Такая направленность внимания, с одной стороны, отвечает специфике материала, а с другой, - новейшему тренду в отечественной и мировой компаративистике: традиционный интерес в национальному своеобразию дополняется, расширяется интересом к глобальной регионалистике, к транснациональному, в том числе «полушарному» (hemispheric) направлению культурных и литературных исследований. Именно в усилии соединить историко-культурологический подход с тонким и пристальным сравнительным поэтологическим анализом двух далеких и вместе с тем близких художественных систем мне видится и *актуальность и научная новизна* - несомненная заслуга диссертации.

Структура работы прозрачна и логична: первая и вторая главы сфокусированы на поэтике, соответственно, Уитмена и Неруды, - на двух книгах-памятниках, которые тот и другой оставили после себя. Материалом для аналитической работы выбраны четыре поэмы из «Листьев травы» Уитмена и три из «Всеобщей песни» Неруды. Критерий отбора остается не вполне ясен, но сам разбор выполнен с должным уровнем профессионализма, - он тонок, чуток и последователен, результаты *достоверны и убедительны*.

В главе 1 «Поэтика Уолта Уитмена» рассмотрены поэмы «Начиная с Поманока» и «Песня о себе», в которых Америка превращается в «бытийную субстанцию», надысторическую, идеальную, универсальную, космическую, эпическую (сс. 22, 67 и др.). Е.В. Погадаева делает важную оговорку о том, что это превращение не полно и не окончательно, что лучшее в Уитмене рождается из столкновения риторической декламации про «бытие вообще для человека вообще» (там же) и остро чувственного, конкретно «воплощенного» опыта. Очень удачен разбор образности в «Песне о топоре», где вещественное и умозрительное, природное и инструментальное, укорененное и подвижное как бы прорастают друг в друга, а символическое единство творчества и разрушения являет себя непосредственно, в нехитром ремесле дровосеков (wood-boys and wood-men). Между прочим, в год (1856) публикации этой поэмы, чилийский утопист Франсиско Бильбао (почти ровесник Уитмена) на конференции в Париже впервые выдвинул идею Латинской Америки как особой культурной (не географической) сущности. Трудно сказать, как Уитмен в моменте отнесся бы к этой идее, - мы знаем, что незадолго перед тем он выступил в поддержку войны с Мексикой, в которой (в отличие от Генри Торо) увидел победное распространение с севера на юг универсальных идеалов демократии. Жизнь поэта была долгой и сопровождалась нарастающим интересом к «латинской» составляющей жизни континента, в том числе и как альтернативе самоуверенному

практицизму янки¹. При анализе поэмы «Пионеры!» Е.В. Погадаева уместно и продуктивно использует понятие «ударного» слово-образа (заимствованное у Т. И. Сильман) и в целом очень успешно раскрывает пафос «адамизма» и «пионерства» (характерный более для раннего творчества Уитмена, но бережно сохраняемый поэтом и в поздних изданиях «Листьев травы»).

Вторая глава предлагает анализ трех (первой, второй и девятой) глав «Всеобщей Песни», где Неруда, по мысли диссертантки, «предлагает свою онтологию» (с.123): активность бытия воплощается в образах, ритме, движении строк. Латинская Америка в целом воображаема поэтом как «конечная земля» (с.127), где соединяются современность и архаика, сакральное и мирское, утопическое и антиутопическое. Рассмотрен образ индейца как первочеловека, который, на манер уитменовского «Адама», дает имена всему произрастающему и живущему. Любопытно интерпретируется используемая Нерудой, также, вероятно, вслед Уитмену, техника поэтических каталогов, - усилие «насытить» словами, именами вещей и явлений «просторы немого материка» (с.151).

Наконец, в главе 3 «Общеамериканское» и национальное в поэзии Уолта Уитмена и Пабло Неруды» предлагается ряд интересных сопоставлений двух поэтических систем. Акцентируется жанровая общность: в обоих случаях перед нами «лироэпическая нефабульная поэма с эпической доминантой и лирическим Я, воплощающим одновременно индивидуальность и всеобщность» (с. 22). Отмечено преобладание в поэмах пространственной образности и ее «сгущенная метафоричность» (200), а

¹ В свои тексты он упорно вставляет испанские слова (camerado, libertad) и даже к своим читателям обращается на испанский лад: Americanos! for you a programme of chants. В 1883 году уже старый поэт был приглашен общественностью городка Санта-Фе (тогда – территории, еще не штата, Нью Мексико) на празднование 333 годовщины со дня основания, - вместо себя он отправил письменный текст, впоследствии известный под названием “The Spanish Element in our Nationality”: речь в нем идет о том, что за счет «испанского» элемента профиль американской нации может обогатиться, смягчиться, гуманизироваться.

также «теллуричность» обоих поэтических миров, пребывающих в состоянии метаморфозы, вечного становления. На этом фоне усматривается различие в отношении поэтов к европейскому миру как эталону мер, нормальности, нормативности, - и в связи с этим *разное* использование верлибра и целого ряда приемов, как будто бы общих. Где у Уитмена гармония и монологичность, там у Неруды – полифония и неразрешимая противоречивость. Не очень, правда, ясно, в чем конкретно проявляется монологичность уитменовских финалов (как-никак последнее слово «Песни о себе» адресовано другому - you). В целом было бы лучше, если бы эти обобщенные сравнения предвосхищались и поддерживались анализом, т.е. отсылали к анализу, выполненному в первых двух главах, а это, увы, происходит не всегда. Например, для диссертантки явно важен вывод о том, что в образе уитменовского мира преобладала ургия (акцент на сделанном с помощью труда), а у Неруды – скорее гония (акцент на порожденном природой). Но сами эти понятия, заимствованные у Г. Гачева, фигурируют только во Введении и потом в третьей главе, т.е. совсем не используются при разборе поэм. Или мы читаем: «если коллективная личность Уитмена вбирает в себя судьбы других людей, полностью сливается с ними, то герой Неруды вынужден «определить свое место в событии через других, поставить себя рядом с ними» (с.197). Вывод тоже важный, но он тоже «зависает» отдельно от текстового анализа с единственным подкреплением в виде цитаты из теоретической работы Бахтина, к исследуемому материалу отношения не имеющей.

Мои критические претензии относятся т.о. не к поэтологическому, а к типологическому уровню проведенного диссертанткой анализа. Например, - к настойчиво повторяемому тезису о том, что само наличие типологических сходжений обусловлено предполагаемым сходством социокультурных условий. Оба поэта, читаем мы во введении, жили кризисное, переломное, нестабильное и тревожное время (что, конечно, слабый аргумент: таковым было большинство «времен» в истории человечества). Говорится также об

«относительно одинаковом уровне общественного и литературного развития» (с. 185), на котором находились США в первой половине XIX века и Латинская Америка в первой половине XX века. Тезис о «сходном уровне общественно-экономического и литературного развития» (с. 216) подкрепляется парой ссылок (на труды А.Дж. Тойнби и Ф. Дж. Тернера), но сходство выглядит все же весьма абстрактным и оказывается шатким основанием для дальнейших, уже собственно литературоведческих построений. Мы читаем, например, что литературный процесс в Латинской Америке отличался отсталостью по сравнению с США, и *поэтому* «можно сказать, что творчество Уитмена и Неруды, главных национальных поэтов своих стран, выходит из очень схожего художественно-эстетического течения, преодолевая его, заключая в себе и романтические, и реалистические черты» (с.188). Такое представление о «течении» литературы, - якобы «плановмерно», хотя и разновремененно проходящей одни и те же фазы (романтизм, реализм, модернизм и т.д.), - дает диссертантке «основание рассматривать книги стихов Уитмена и Неруды типологически как относительно синхронные явления» (с.188). Хотелось бы лучше понять, о какой синхронности здесь идет речь? и чем конкретно нас обогащает такое представление о синхронности (воображаемой одновременности?) разновременных явлений?

Другую мою претензию можно, по-настоящему, переадресовать Уитмену и Неруде. Полет их поэтического воображения настолько мощен и заразителен, что, пытаясь ему следовать, аналитика невольно «сбоит», тушует перед поэтической риторикой. Неруда, вослед и подобно Уитмену, мечтал «заговорить по-настоящему континентальным голосом, охватывающим две Америки» (цит. на с. 184). Но ЧТО такое «континентальный голос» в проекции на стиль, форму выражения? КАК обнаруживает себя – опять-таки на уровне художественной формы - «общеконтинентальный и планетарный уровень» самосознания (с.203) или «поистине общеконтинентальный метатип творческой личности» (с.225)?

Противостоит ли «общеконтинентальное» - «специфически американскому» (см. название раздела 1.6) или «общеконтинентальное» может быть синонимом «американского»? Обращает на себя внимание слишком вольное – местами - обращение со словом «нация», смешение культурной и политической общности с географическим понятием, - ср. упоминания о «становящихся североамериканской и латиноамериканской нациях» (с. 23) или о «национальном характере североамериканцев» (с. 172) На с. 21 Уитмен и Неруда фигурируют как представители «национальных, североамериканского и чилийского, канонов», что непонятно. Даже притом, что, по поэтическому убеждению Неруды, «корни... чилийцев, простираются глубоко под землю» (цит. на с. 121) о собственно чилийской идентичности он не мог не думать, хотя бы в качестве дипломата, но в диссертации об этом речь не заходит ни разу. Я уж не говорю о том, что называть североамериканцев нацией можно только условно или «сливая», на манер Дональда Трампа, США с Канадой и Мексикой.

Поэтому жаль, что среди 259 позиций впечатляющего библиографического списка² не нашлось места для современных работ о природе национально-культурной идентичности, - хотя бы для книги Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983, рус. перевод 2001). Именно в ней в свое время был обоснован взгляд на Латинскую Америку как на колыбель современного национализма (по Андерсону, креольские элиты в XIX веке «изобрели» и подарили остальному миру идею нации как независимого, самодостаточного кровно-почвенного и культурно-политического сообщества). Этот тезис в дальнейшем стал предметом

² Работ, опубликованных за последние 20 лет в списке, к сожалению, немного - менее 10%, если не считать собственные публикации диссертантки. Поэтому заключение на с. 17, - о том, что «в зарубежном литературоведении пик исследовательских работ по творчеству поэта <Уитмена – Т.В.> приходится на 50-70е гг. XX в.», - выглядит сомнительно достоверным: не ясно, идет ли речь о количестве или о качестве публикаций последнего полувека, - среди них выделяется почему-то только два сборника статей.

широкого обсуждения и полемики, что в данном контексте странно не учитывать.

Наконец, мелочь в жанре пожелания: цитаты из Уитмена и Неруды Е.В. Погадаева считает нужным сопроводить собственным подстрочным переводом, «что позволяет продемонстрировать исследуемые особенности оригинального текста наиболее полно» (с.8). В целом сочувствуя такому решению, я думаю, что было бы резонно акцентировать конкретные «особенности», не схваченные имеющимися (хорошо известными) переводами. Жаль также, что не анализируются переводы Уитмена, выполненные самим Пабло Нерудой.

Высказанные замечания не умаляют теоретической и практической значимости труда Е.В. Погадаевой, Я от души желаю молодой исследовательнице успеха в дальнейшем развитии. Представленные ею результаты позволяют прийти к выводу, что диссертация «Поэтика Уолта Уитмена и Пабло Неруды: онтологические и типологические схождения и национальное своеобразие» вполне соответствует необходимым требованиям, изложенным в п.9 Постановления Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г. «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. - Литературы народов мира (филологические науки).

Венедиктова Татьяна Дмитриевна,

доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова.

Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ имени М.В.Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет
Рабочий телефон: +7 495 9395384, e-mail: tvenediktova@mail.ru

Подпись заверяю